

DOI: 10.15372/HSS20170103
УДК 94 (47).084 (470.56)

Д.А. САФОНОВ

ПРОВИНЦИЯ В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Оренбургский государственный университет,
РФ, 460018, г. Оренбург, пр. Победы, 18

В статье проанализирован процесс изменений в жизни провинции в период правления Временного правительства (февраль–октябрь 1917 г.) на примере Оренбургской губернии. Инициированная центром перестройка управленческих структур, с ее непоследовательностью и непродуманностью, в сочетании с неумелым информационным обеспечением в итоге вызвала незапланированную реакцию. Свидетельства и факты социальной активности показывают, что в считанные месяцы на местах (преимущественно в деревне) преобладающим стало иллюзорное убеждение об исчезновении государства, его институтов и законов. Это имело далеко идущие последствия, ярко проявившиеся в условиях Гражданской войны.

Ключевые слова: провинция, революция, перемены, народ, власть, губерния, государство, законы.

D.A. SAFONOV

PROVINCE IN THE FEBRUARY REVOLUTION

Orenburg State University (OSU),
18, Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russia

The problem of the interconnection of February Revolution and the province may be considered in two ways: first, as a process, begun in the capital and spread all over the country, and, secondly, as a process of change in the provincial life in the period from February to October 1917. Use of facts from different regions provides a kind of “virtual” province, sort of “non-capital”, however, it has nothing to do with any of the existing provincial governorates. The author believes it can be useful to look at the issue locally, within one single territory – Orenburg province.

The author is of the second opinion; no ascendancy of the revolution in the province was observed: no one wanted to replace the authorities forcibly, the “old” power was held firmly enough, and could have been able to repel any attempts. The population of the province apprehended the transition to power of the Provisional Government rather calmly. Transformation of absolute monarchy into a constitutional could not be a revolutionary change as it had been harmonically blended into the existing state system. The changes were limited to renaming – governors to provincial commissioners, the police – the militia, and the removal of certain officials.

In general, the information picture of the region was a complex ever-changing mosaic with elements of guessing of the missing elements. Analysis of the evidence and facts of social activity in the region shows that in a few months the provincial life was dominated by (mainly in the countryside) the delusional belief about the disappearance of the state in general, with its management structure and order, law and responsibility for the committed crimes. As the result there was an increase of criminal acts, both quantitative and qualitative. The situation got out of control, the feeling of “inner liberation” strengthened within the masses and it was not about the emancipation of the individual, but more about rudeness, aggressiveness, violence. All these far-reaching effects were especially evident during the civil war.

Key words: Province, revolution, change, people, power, province, state laws.

Историю Февральской революции и провинции можно изучать в двух плоскостях: как продолжение революционного процесса, начавшегося в столице и

распространившегося далее по стране, и как жизнь российской провинции в определенный исторический период (в данном случае – революции 1917 г.).

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-01-0017 («Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX – начала XX века (региональный аспект)»).

Дмитрий Анатольевич Сафонов – д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный университет, e-mail: d_safonov@mail.ru.
Dmitry A. Safonov – doctor of historical sciences, Professor, Orenburg State University.

В отечественной историографии разрабатывались оба подхода. Первый был заложен известным исследованием Э.Н. Бурджалова о второй революции, четко выстроившим направление распространения революционной волны: столица – Москва – фронт – периферия [1]. Среди последних работ этого направления следует отметить монографию А.В. Седова о Февральской революции в деревне [2]. Сюда же примыкают исследования, посвященные формированию органов власти и управления на местах. Особое внимание историки уделяют новому институту власти – губернским и уездным комиссарам Временного правительства [3; 4; 5]. При этом процесс складывания новых властных структур, как правило, исследовался в общероссийских территориальных рамках и потому неизбежно воспринимался как единый в масштабах всей страны.

Другой подход демонстрирует монография В.П. Булдакова [6], где в центр внимания попадает не распространение революции, но человек, его изменившееся отношение к власти, себе подобным, окружению, а ключевой проблемой становится история насилия в период революции.

Этот второй подход отчасти ставит под сомнение исходную позицию первого – о единстве революционного процесса. Отметим прозвучавшее еще в 1997 г. мнение академика П.В. Волобуева, указавшего на вариативность подходов: «Февральская революция может рассматриваться... Во-первых, как революционный взрыв, хронологической протяженностью с 23 февраля по 3 марта», увенчавшаяся свержением монархии. Во-вторых, как вторая демократическая революция в России, длившаяся с марта по октябрь 1917 года» [7, с. 3]. В тот период его позиция воспринималась как некий компромисс между старым и новым видением в советской историографии двух революций в 1917 г. Сегодня эта мысль приобретает неожиданное, новое звучание.

К осени 1917 г. фактически завершилось формирование новых органов власти на местах, заменивших «царские». Обычно исследователи рассматривали их как определенный результат революционных преобразований и как сложившуюся систему. При таком подходе историки больше внимания уделяют общим элементам, соответственно задачам системного анализа. Проанализировать ситуацию в масштабах всей страны крайне сложно. Но, что еще более важно, – едва ли это позволит выявить общие закономерности, учитывая многонациональность населения, особенности регионов и т.п.

На наш взгляд, правильнее рассматривать революционные события в масштабах одной территории (губернии) с ее общими и локальными особенностями, с одновременным учетом характерных черт, свойственных любой губернии, достаточно удаленной от центра: слабые коммуникации – значит, слабая связь со столицей, как следствие этого – неизбежное информационное отставание; неизмеримо меньшая политическая конфронтация, а то и ее отсутствие; крепче поддержи-

ваемый правопорядок; наличие особых групп населения, которые отсутствуют в центре.

Обобщающий термин «провинция» в данном исследовании используется достаточно условно. Каждый регион имел специфику, абстрагируясь от которой, можно лишь проиллюстрировать общероссийские тенденции. Но так мы рискуем получить в итоге некую «виртуальную» провинцию, как бы альтернативный вариант «не-столицы», тем не менее, не имеющую ничего общего ни с одной из существовавших «провинциальных» губерний.

В качестве территориальных рамок изучения революционного процесса предлагается Оренбургская губерния – окраина юго-востока европейской части империи, в основном с крестьянским населением, многонациональная, но с преобладанием великорусского этноса. В крае, находившемся на значительном расстоянии от центра страны (поезд из Москвы доходил через двое суток, газеты из столицы в среднем через 10 дней), отсутствовали организованные революционные силы и даже либеральная оппозиция (земские учреждения начали создаваться только в 1913 г.). Правопорядок поддерживался силами местных правоохранительных органов, имевших дополнительный ресурс в лице казаков, традиционно привлекаемых в прежние десятилетия для поддержания правопорядка в ряде мест европейской части страны, в том числе в столицах. В пределах губернии также существовала территория Оренбургского казачьего войска – наличие казаков, разумеется, особенность, но с учетом того, что в империи было 11 казачьих войск – не исключительная.

О событиях в столице население губернии узнало не сразу. Первое известие о февральских событиях в Петрограде пришло в Оренбург 28 февраля в 23 ч. 48 мин. – именно тогда в Управление Ташкентской железной дороги поступила телеграмма от комиссара Государственной думы А.А. Бубликова [8, с. 13]. По распоряжению губернатора М.С. Тюлина она была скрыта от общества. Но уже 1 марта поступила телеграмма оренбургскому городскому голове за подписью председателя Государственной думы М.В. Родзянко, сообщавшая, что «Временный комитет Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка» [8, с. 13]. На следующий день по городу поползли первые слухи, вскоре получившие новый импульс из-за распоряжения губернатора не допустить в город свежую столичную прессу. Газеты были изорваны полицией прямо на перроне, что и побудило находившихся там заинтересоваться обрывками [9, с. 26]. Официально населению сообщили о происшедшем в столице 3 марта вечером, когда уже заседали городская дума и организационный комитет Совета рабочих депутатов. 5 марта телеграммой из столицы было передано распоряжение создать в губернии Временный губернский гражданский комитет для «поддержания порядка и обеспече-

ния правильного и нормального течения жизни»¹. 6 марта министр внутренних дел князь Львов известил о временном отстранении от постов губернаторов и вице-губернаторов с передачей прав губернского комиссара председателю губернской земской управы, то же происходило на уровне уездов². 7 марта МВД возложило на заместителя председателя губернской земской управы (председатель был в отъезде) Г.М. Базилевича «обязанности губернского комиссара»³. Затем 8 и 9 марта приступили к исполнению своих обязанностей комиссары в уездах⁴.

Есть все основания полагать, что Временное правительство первоначально намеревалось ограничиться заменой лишь самого высшего эшелона власти в губерниях; в принципе губернский аппарат вполне можно было бы использовать, как, впрочем, и высших чиновников. В упомянутой выше телеграмме князя Львова от 6 марта речь шла как раз о «временном отстранении» губернаторов. Показательно также, что уже 8 марта служащие губернского правления и канцелярии губернатора послали Временному правительству телеграмму, извещая, что присоединяются в полном составе к создаваемому гражданскому комитету и подавать в отставку в знак неповиновения совершенно не намерены⁵. 9 марта газета «Оренбургское земское дело» сообщила, что бывший губернатор генерал-лейтенант М.С. Тюлин передал управление губернией заместителю председателя земской управы Г.М. Базилевичу, который теперь стал именоваться «оренбургским губерnskим комиссаром Временного правительства»⁶.

Правовой статус губернского комиссара Временного правительства и его функции долгое время оставались достаточно неопределенными: телеграмма главы МВД князя Львова говорила лишь об «исполнении обязанностей» такового. Центр поначалу ограничился разъяснением, что губернский комиссар опирается в своей деятельности на губернский комитет и его исполнительный орган; при губерnskом комиссаре существуют два уполномоченных от губернского и городского комитетов, фактически помощники. Управление осуществляется коллегиально⁷. В ответ на последовавшие многочисленные запросы с мест губернский комитет рекомендовал действовать «на основании закона прежних взаимоотношений», что, по сути, было абсурдно, поскольку в «прежних» законах должность комиссара отсутствовала⁸.

Как нам представляется, в дальнейшем Центр все более склонялся к тому, чтобы превратить должность губернского комиссара в аналог губернаторской. 6 апреля Центр сообщил, что губернский комиссар «является носителем власти Временного правительства в губернии», при этом разъяснений опять не было дано, а только обещание – «подробная инструкция будет сообщена»⁹. Позднее губкомиссар Архангельский в своем июльском циркуляре в уезды подчеркивал, что комиссар «является прежде всего представителем власти центрального правительства, не допуская никаких отклонений от нея в пользу каких-либо местных или партийных влияний на комиссара»¹⁰. Телеграмма из МВД 30 июня давала следующее определение: «комиссар является высшим представителем власти временного правительства»¹¹. Оформление аппарата власти Временного правительства на местах завершилось только осенью – 19 сентября наконец появилось положение о комиссарах, окончательно заменивших губернаторов и получивших при этом их полномочия [3, с. 243].

Кроме того, практически одновременно стала формироваться и другая структура – гражданские комитеты (позднее их стали называть комитеты общественной безопасности). Губернский гражданский комитет был создан еще 4 марта: в него вошли представители городов, земств, кооперативных объединений, Совета рабочих депутатов, отдельных организаций губернского города, позднее, после создания комитетов в уездах, – представители таковых¹². Происходило это не без участия губернского комиссара. Так, 1 апреля комиссар Холодковский докладывал в МВД о завершении организации в губернии комитетов общественной безопасности¹³. Созданные решениями «сверху» уездные и волостные комитеты достаточно скоро стали самовольно брать на себя решение новых и новых вопросов. Реального контроля и руководства с уровня губернии не было; губернский комитет ограничивался «указаниями и распоряжениями». Показательно, что когда в Челябинске Совет рабочих и солдатских депутатов «устранил» городской комитет безопасности, взяв управление в свои руки, губернская власть лишь «приняла к сведению»¹⁴.

Фактически произошло дублирование властных структур. Даже официальных газет оказалось две: «Оренбургский губернский вестник» – вместо традиционных «Губернских ведомостей» и «Известия Оренбургского губернского комитета общественной безопасности». Причем обе заявляли своими задачами: «обнародование во всеобщее сведение всего населения Оренбургской губернии актов (действий и мероприятий) Временного правительства и его органов» («Вест-

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.184. Оп. 1а. Д. 2. Л. 1.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Д. 2. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 23.

⁶ Оренбургское земское дело. 1917. 9 марта. Почти сразу Г.М. Базилевич отказался от своих обязанностей; в дальнейшем губерnskими комиссарами были Н.А. Холодовский (март–июнь 1917) и Н.В. Архангельский (июнь–октябрь 1917).

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 120. Л. 42.

⁸ ГАОО. Ф. 184. Оп. 1а. Д. 2. Л. 35.

⁹ Там же. Л. 108.

¹⁰ Известия Оренбургского губернского комитета общественной безопасности. 1917. 27 (9) июля.

¹¹ ГАОО. Ф.184. Оп. 1. Д. 47. Л. 158.

¹² Там же. Д. 2. Л. 14.

¹³ ГАРФ. Ф.1788. Оп. 2. Д. 120. Л. 14.

¹⁴ Известия... 1917. 9 (22) мая.

ник»); «для осведомления населения о деятельности нового Временного правительства и его ближайших органов» («Известия»).

Все перечисленное говорит в пользу того, что изменения в аппарате управления на местах можно полагать лишь переформатированием старой власти, но никак не революционной ломкой как таковой. Наблюдаемые изменения сложно определить как революционные: Временное правительство легко вписалось в существующую структуру государственных органов; происшедшая в итоге трансформация абсолютной монархии в конституционную не несла в себе революционного начала; республика была провозглашена только 1 сентября – т.е. до этого времени Россия оставалась *de jure* монархией; изменения касались лишь переименований – губернаторов в губернские комиссары, полиции – в милицию, а также удаления конкретных должностных лиц: оренбургский губернатор генерал-лейтенант М.С. Тюлин 17 марта был уволен в резерв Кавказского военного округа¹⁵, служащих полиции было запрещено брать в милицию. В апреле губернский комиссар рапортовал, что «все представители старой власти были заменены»¹⁶. Оставивший в 1925 г. воспоминания житель Алексеевской волости Исаево-Дедовского уезда крестьянин А.М. Колыхалов писал: «в мае волной – смена полиции, старшин, даже писарей»¹⁷.

Новость о свержении самодержавия и взятии власти Временным правительством не вызвала никаких акций протеста, недовольства или поддержки в губернии. Значительно более поздним газетным сообщением «Известий Оренбургского губернского комитета общественной безопасности» о «радостных митингах» на местах в поддержку Временного правительства есть основания не доверять. Отсутствие сообщений о таковых сразу после прихода в Оренбург известий об отречении монарха весьма показательно в сравнении с массовыми манифестациями в Оренбурге после получения Манифеста 17 октября 1905 г. Причин может быть две: либо наступившая удивительная социальная пассивность оренбургского общества, либо, что более вероятно, перемены воспринимались как перемены легитимные. В действиях официальных «Оренбургских губернских ведомостей», поместивших 4 марта (т.е. уже после официального признания отречения монарха накануне) царский указ от 22 ноября 1916 г., ничего ошибочного не было. Даже оренбургские казаки, которых происшедшие перемены, казалось бы, затронули более всего – отречение императора разрушило централизованное управление казачьими войсками, достаточно скоро приспособились: в середине апреля атаман войска впервые был избран, стали усиливаться сторонники войсковой автономии.

Чтобы верно оценить изменения в сознании, настроениях и поведении провинциальных масс, следует

обратить особое внимание на информацию, поступающую в указанный период в губернию. Информационное воздействие из столицы никак нельзя было назвать успешным. В нем отсутствовала внутренняя логика, что прекрасно видно на примере затянувшегося до осени процесса оформления статуса губернского комиссара.

Поступавшие в Оренбуржье сведения о событиях в столице были настолько разрозненны, непоследовательны и порой разноречивы, что массы при всем желании не могли иметь четкого представления о происходящем – чему подтверждением служат публикации обеих местных газет, изначально задекларировавших намерение сообщать о решениях Временного правительства. Из того, что в них публиковалось, получить представление об общем курсе Временного правительства невозможно. Наиболее показательна в этом направлении деятельность «Известий Оренбургского губернского комитета общественной безопасности», ограничившихся в итоге перепечатками из столичной прессы статей «Что такое самодержавная монархия», «Системы двух законодательных палат», «Что такое политическая партия», «В чем сила выборной власти», «Конституционная монархия» и т.п. При этом газеты оставались, по сути, городскими; деревня не имела и этого. Так, орский уездный комиссар сообщал, что в уезде есть села, куда со времени «переворота» (свержения монархии) за полгода не попало ни одной газеты¹⁸.

Неизбежным и предсказуемым результатом стало формирование альтернативных информационных потоков, прежде всего, слухов. В условиях 1917 г. появляется принципиально новый фактор, связанный с возросшим влиянием дезертиров. Последние были серьезно мотивированы на то, чтобы доказывать полную гибель старого мира, поскольку только такие перемены способны были придать легитимность их бегству с фронта.

Определить сегодня, что именно говорили различного рода информаторы, и еще важнее – как понимали это массы, не представляется возможным. Единственное, что возможно, – проанализировать действия масс. Из дошедших до нас источников и свидетельств обращает на себя внимание повторяющаяся мысль об исчезновении государства («власти») и законов. Крестьянин А. Колыхалов в своих воспоминаниях отмечал, что в апреле «из волости сообщили, что старой власти нет»¹⁹. Осенью 1917 г. орский уездный комиссар доносил губернскому, что «в уезде развился среди массы населения повальный взгляд»: «Законная власть – это мы, сами граждане. Что хотим, то и имеем право делать». Орский уездный комиссар сообщал о своем визите в с. Дергаиш в сентябре, где, по его словам, «со времени переворота не было ни одного человека», – т.е. с февраля по сентябрь село было полностью изолировано от окружающего мира. И тем не менее, он кон-

¹⁵ Заря. 1917. 7 (30) апр.

¹⁶ Южный Урал. 1917. 10 нояб.

¹⁷ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 7924. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 об.

¹⁸ Оренбургский казачий вестник. 1917. 6 сент.

¹⁹ ЦДННАО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 об.

статировал «ряд возмутительных явлений»: а именно – стремление крестьян поступать во всем по-своему. Комиссар пытался не допустить захвата частновладельческих земель. На все его указания крестьяне отвечали: «говорите, говорите, – не боимся; много теперь всяких людей шатается, а право и закон – мы сами». Симптоматичен его общий вывод о деревне региона – здесь «полное безвластие наряду с безграничным самовластьем»²⁰. Утверждать, что кто-то извне привнес крестьянам Дергаиша новые идеи, нет оснований. Получается, что крестьяне как-то ощутили перемены и стали действовать в рамках своих представлений.

В целом информационная картина в регионе представляла собой сложную мозаику с отдельными элементами домысливания и даже дофантазирования; вдобавок – постоянно меняющуюся. В ней не вырисовывались никакие внятные перспективы, она не давала понимания перемен к лучшему. Итогом было создание иллюзии исчезновения государства вообще, с его управленческими структурами и порядками. Неверно полагать, что произошло высвобождение народных представлений о законе и справедливости, якобы задавленных ранее государством. Скорее, стоит говорить о формировании новых представлений в условиях, ранее не существовавших.

Вполне прогнозируем был резкий рост преступности. Исчезновение законов влечет за собой исчезновение границ дозволенного, утрачивается и боязнь неотвратимости наказания. Источники сообщали, что не было деревни, где бы не варили самогон. Стали совершаться преступления, беспрецедентные для оренбургской деревни: покушение на ограбление почты в д. Екатериновка или ограбление кредитного товарищества в с. Зирган. Резко возросло число нападений и грабежей с применением огнестрельного оружия; его применяли против милиции даже самогонщики и похитители овец [10, с. 314, 356]. От месяца к месяцу увеличивалось число разгромов лавок, самовольных обысков у спекулянтов и т.д. С весны волостные комитеты начали вершить свой суд, исходя из собственного понятия «справедливости», ограничиваясь штрафами²¹. С лета 1917 г. такого рода функции начинают на себя брать отдельные крестьянские общества²². Исаево-Дедовским волостным гражданским комитетом впервые был применен народный суд над покушавшимся на кражу народной пшеницы из общественного магазина. Троицких виновников – вахтера, сельского писаря и крестьянина – водили в сопровождении двух милиционеров по улицам два базарных дня и два праздничных. Каждого заставили носить плакат «народный вор» и мешок, набитый соломой с надписью «краденая народная пшеница». Любопытно зафиксированное свидетельство: «в народе говорили: лучше отсидеть бы три месяца в тюрьме, чем нести такой позор»²³.

Вполне логично было ожидать дальнейшего развития «народного» правосудия. Так и произошло – от штрафов и арестов массы переходят к более суровым наказаниям. Уже в конце июля 1917 г. были отмечены самосуды. Вскоре они становятся едва ли не повсеместным явлением – чаще всего в отношении конокрадов. Так, в Троицком уезде крестьяне, чтобы расправиться с конокрадом, даже отбили его у милиции²⁴. К октябрю 1917 г. случаев насилия становится больше – крестьянские «суды» превращаются в судилища. В с. Петровском Оренбургского уезда толпа убила четырех человек только по подозрению в краже²⁵. Ситуация все более выходила из-под контроля, в массах усиливалось «внутреннее освобождение», проявившееся не только в раскрепощении, развитии самостоятельной инициативы, но у многих в агрессивности и насилии. Причем произошло это в достаточно короткий промежуток времени – в считанные месяцы. В оренбургской мемуаристике есть пример, прекрасно иллюстрирующий эту ситуацию: некто Т. Филиппов, в феврале случайно услышавший на станции о свержении царя, разрыдался от страха при виде урядника, будучи уверенным, что за такое знание его точно посадят. А в апреле этот же человек первым (!) бросился на урядника с криком «Бей его, кровопийцу»²⁶. Создались идеальные условия не только и не столько для строительства нового мира или утверждения человеческих ценностей и понятий справедливости, но и для сведения личных счетов. Низменные инстинкты все больше выплескивались наружу. Это во многом объясняет последующую остроту конфликтов в условиях Гражданской войны.

Выводы и наблюдения, сделанные на основе одной губернии, не могут претендовать на всеобщность. Но схожие исходные позиции (удаленность от центра, слабые коммуникации, слабый контроль губернской власти над территорией и др.) позволяют говорить об определенных общих чертах «провинциальных» губерний (кроме губерний столичных, и скорее всего, сопредельных с ними). Инициированные весной–летом 1917 г. изменения в системе местных органов власти не имели ничего общего с революционными переменами. Но и простое переформатирование властной вертикали в итоге обернулось плачевными последствиями. Проводимый Временным правительством курс не имел должного информационного обеспечения. Представления провинциальных масс, в которых на первый план вышла идея о разрушении государственной власти, исчезновении законов, постепенно стали определять весь политический процесс. Столь быстрая и кардинальная перемена в политическом сознании объясняется деформацией традиционалистских установок в мышлении масс. Власть воспринималась населением нераздельно в комплексе с конкретными действиями конкретных ее представителей, негласными правилами

²⁰ Оренбургское земское дело. 1917. 5 сент.

²¹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 210. Л. 32–33, Л. 71, Л. 88.

²² Там же. Л. 87–88; Оп. 6. Д. 196. Л. 151; Д. 256. Л. 29–30.

²³ Свободное слово солдата. 1917. 20 апр.

²⁴ Известия Оренбургского губернского комитета общественной безопасности. 1917. 11(24) июня.

²⁵ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 121. Л. 97.

²⁶ ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 об.

ми, правовыми традициями и другими паттернами. Постепенное их исчезновение и было воспринято затем как исчезновение государственности вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971. 463 с.
2. *Седов А.В.* Февральская революция в деревне. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. 229 с.
3. *Герасименко Г.А.* Народ и власть (1917 г.). М.: Воскресенье, 1995. 288 с.
4. *Тропов И.А.* Революция в провинции. Местная власть в России (февраль – октябрь 1917 г.). СПб., 2011. 250 с.
5. *Тропов И.А.* Кризис местной правительственной власти в России весной – осенью 1917 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 2. С. 178–181.
6. *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М.: РОССПЭН: фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 967 с.
7. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.
8. *Сафонов Д.А.* Между империей и республикой Советов: местная власть на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2008. 448 с.
9. *Сафонов Д.А.* Периодика Оренбургского края. Оренбург: Оренбургская губерния, 2004. Вып. 1. Первые сто лет. 504 с.
10. Крестьянское движение в 1917 году. М.; Л.: ГИЗ, 1927. 444 с.

REFERENCES

1. *Burdzhalov E.N.* The second Russian revolution. Moscow. Front. Periphery. Moscow: Nauka, 1971, 463 p. (In Russ.)
2. *Sedov A.V.* The February revolution in the countryside. Nizhny Novgorod: Publishing House UNN, 1997, 229 p. (In Russ.)
3. *Gerasimenko G.A.* People and Power (1917). Moscow: Voskresenie, 1995. 288 p. (In Russ.)
4. *Tropov I.A.* The revolution in the province. Local authorities in Russia (February–October 1917). St. Petersburg, 2011, 250 p. (In Russ.)
5. *Tropov I.A.* The crisis of local government authorities in Russia in the spring and autumn of 1917. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 2011, no. 4, pt 2, pp. 178–181 (In Russ.)
6. *Buldaikov V.P.* The Red turmoil: the nature and consequences of revolutionary violence. 2nd ed., ext. Moscow: ROSSPEN: Fund «The President B. Yeltsin Centre», 2010, 967 p. (In Russ.)
7. 1917 in the fate of Russia and the world. The February Revolution: from new sources to new understanding. Moscow, 1997 (In Russ.)
8. *Safonov D.A.* Between Empire and the Soviet Republic: the local authorities in the southern Urals in 1917–1918. Orenburg: Print. House «Dimur», 2008, 448 p. (In Russ.)
9. *Safonov D.A.* Periodicals of Orenburg region. Iss. 1: The first hundred years. Orenburg: Orenburg Province, 2004, 504 p. (In Russ.)
10. The peasant movement in 1917. Moscow; Leningrad: GIZ, 1927, 444 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 19.01.2017